

ВЛАДИМИР СОРОКИН

ОБЕЛИСК

A S T

Владимир Георгиевич Сорокин

Обелиск (сборник)

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168432

Обелиск: рассказы и повести / Владимир Сорокин: Астрель, АСТ; М.: 2008

ISBN 978-5-17-050036-9, 978-5-271-19730-7

Аннотация

Издание представляет собой сборник рассказов и повестей Владимира Сорокина.

«...Мы понимали, почему тогда на каждом тяжелом углу говорили: „Запанхундрия“. Это было там первое действие по проверке. Точная дата и сразу – сигнал, сигнализированные, нелишенные, а после только – правильная почта, правильное золото. Жизнь была правильная. И жили правильно, потому что я видел, как выровняли по чистой сердцевине, избавили от этого лишнего веса. Я понимаю, что ты говорила мне, когда так вот наклонишься и голенькая показываешь мне молочное видо, где гнилое бридо. Я знал, что именно спереди есть молочное видо, а сзади между белыми – гнилое бридо, а чуть повыше, если так вот верить и водить, – будет и мокрое бридо, то есть мокренькое бридо, очень я понимал...»

Содержание

Поездка за город	4
Соревнование	13
Геологи	15
Желудевая Падь	18
Заседание завкома	20
Прощание	32
Первый субботник	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Сорокин

Обелиск

Поездка за город

– Вот по этой проселочной. – Степченко показал сигаретой в темноту.

Шофер кивнул, вывернул руль, и, мягко урча, «Волга» закачалась на ухабах. Фары высветили дорогу: подсохшая глина, ободранные кусты и редкий березовый лес вокруг.

– Тут места хорошие, грибные, – тихо проговорил Степченко. – Лес редковат, а места что надо. Белых много... Не бывал здесь раньше? – Он повернулся к Виктору.

– Нет, не приходилось.

– А я частенько. Как август, сентябрь – так сюда. В августе белые. Белые обалденные. И других грибов много, но белые – с ума сойти!

– Много? – спросил шофер, не отрываясь от дороги.

– За день ведро спокойно наберешь... правой, Петь, правой. Там низина... вот... а в сентябре – опять. Правда, не здесь, а подальше немного. Пройти отсюда километра два.

– А мы прошлый год по Ильинке ездили, – проговорил Виктор. – В начале октября. Опята почти сошли тогда, но ничего, ведра два набрали...

Степченко рассмеялся:

– Сразу видно, Витек, – не грибник ты! Два ведра опять! Да их машинами собирать нужно! Брезент постелил в лесу и носи охапками.

– Точно, – пробормотал шофер, оглябая низину с мутно-коричневой водой. – Мы, бывало, как поедem, так по два мешка набьем опять. Жена всю неделю перерабатывает.

Степченко докурил, бросил окуроч в окно:

– Петь, вон возле тех березок остановимся...

Шофер подъехал к березам и заглушил мотор.

– Ну, вот и приехали. – Степченко вылез из машины, закинув руки за голову, потянулся. – Оооо... тишина-то какая...

Виктор тоже вылез и осмотрелся.

Кругом стоял ночной лес.

Виктор потрогал влажные листья молодой березы:

– А тут один березняк в основном?

– Да. – Степченко захлопнул дверцу, посмотрел на светящийся циферблат. – Пол-одинадцатого. Нормально. Как раз вовремя...

Шофер откинул переднее сиденье назад, снял пиджак и, кряхтя, растянулся.

– Подремешь, Петь? – Степченко заглянул в кабину.

– Подремлю.

– Ну, давай. – Степченко выпрямился, хлопнул Виктора по плечу. – А мы пойдем потихоньку.

– Счастливо, – пробормотал шофер, устраиваясь поудобнее.

– Пошли, Витек. Там вон тропиночка.

Виктор шагнул за ним в темноту.

Под ногами зашелестела трава, захрустели сучья, влажные листья скользнули по лицу Виктора. Степченко вынул сигареты, закурил:

– Я тут позапрошлым летом лося встретил. Идем с приятелем, а он поперек нам чешет. Здоровый, черт!

– Большой?

– Здоровый. Они вообще-то щас измельчали что-то, а этот – бык здоровый.

– Я под Брянском был когда, тоже видел. Правда лосиху. И кабанов видели. Мы на уток ездили. Утром пошли, а кабан в бурте колхозном роется. Они только картошку убрали, поздняя осень.

– А он, значит, жрет ее? Здорово!

– Нас увидел, повернулся. А потом, как паровоз – деру. И сопит, прям как танк.

– Ну, они мощные звери. Особенно осенью. Жирные. Я троих угрохал...

Переступили через поваленное дерево, вышли на более широкую тропку.

– А мне вот не приходилось, – проговорил Виктор, вглядываясь в сырую тьму поредевшего леса. – Тогда вроде и пуль-то не было. И стрелять по нему не хотелось...

– Да, с ними поосторожней надо. Если бить – так уж бить. А то один знакомый нулевкой решил по секачу пальнуть. Ранил, а тот за ним. Хорошо, друг выручил – добил пулей. А то б кишки выпустил.

– Да...

Лес кончился, по бокам дороги всплыли одинокие кусты. Слабый ветер шевелил их.

– Ну вот. – Степченко бросил сигарету. – Почти пришли.

– Действительно близко...

– А ты как думал. Я ж говорил – десять минут ходьбы...

Дорога пошла через поле.

Впереди показались серые коробки домов, мелькнул свет, и послышалась музыка.

– Слышишь, раскочегариваются? – усмехнулся Степченко.

– Слышу.

– У них это на краю поселка, так что удобно... Дорогу назад найдешь?

– Найду. Здесь вроде недалеко...

– Ну, и порядок. – Степченко сплюнул. – Иди, я следом за тобой.

Виктор кивнул и пошел дальше.

Вскоре свет стал поярче – показалась вереница уличных фонарей, музыка заиграла громче, дома приблизились и обступили Виктора.

Он прошел по улице до крайнего дома и стал медленно обходить его. Музыка загремела, голос певца стал жестким, отчетливей зазвенели тарелки. Виктор обогнул дом и сразу оказался перед танцплощадкой: лучи двух прожекторов протянулись над прыгающей толпой, скрестились на музыкантах.

Танцплощадка была покрыта потрескавшимся асфальтом. Поломанный забор огораживал ее. Вместо сцены в дальнем углу забора лежали сдвинутые вместе бетонные плиты, из разможенных торцов которых торчала гнутая арматура.

Виктор купил билет в фанерной будочке, отдал контролеру и вошел в распахнутые ворота. Музыканты только что кончили играть – ударник прошелся по барабанам, а гитаристы прощально качнули грифами. Толпа расплзлась по краям площадки и принялась шумно занимать лавочки. Рядом с Виктором собралась группа подростков. Они курили, шумно разговаривали, толкая друг друга.

Возле будочки послышался голос Степченко. Виктор обернулся.

Семен Палыч покупал билет:

– И мне билетик, девушка... Всего-то? Дешево. Нет, не был. Да, приезжий я, в гостях. На молодежь хочу поглядеть. Спасибо.

Он вошел в ворота, не торопясь побрел вдоль лавочек, улыбаясь и рассматривая сидящих.

К группе подростков подходили все новые и новые, она росла, и вскоре Виктору пришлось потесниться – вокруг замелькали лохматые головы, какой-то парень в цветастой рубашке толкнул его и примирительно коснулся рукой:

– Извини, старик.

Виктор пошел вдоль забора. На лавках сидели девушки, ребята стояли рядом.

Всюду валялись окурки, смятые пачки из-под сигарет. Возле заставленных аппаратурой плит стояла группа девушек. Виктор подошел и встал рядом.

Музыканты взобрались на плиты, повесили на шеи электрогитары. Один из них – коренастый, с плоским загорелым лицом – приблизился к микрофону и быстро проговорил, пощипывая струны:

– Раз, два, три, раз, два, три...

Микрофон засвистел.

Одна из девушек что-то громко сказала, и подруги дружно рассмеялись.

Виктор посмотрел на нее. Она была стройной, полногрудой и белокурой. Сильно подкрученные волосы рассыпались по ее плечам. На ней было зеленое платье и белые лакированные туфли.

Она опять что-то сказала, показав пальцем на музыкантов, и снова все засмеялись.

Виктор оглянулся. Рядом стоящие парни смотрели на девушку.

– Эй, Васька, давай дю папал! – крикнули из толпы музыкантам.

Коренастый гитарист кивнул своим партнерам, они взяли за гитары и посмотрели на ударника. Ударник разгладил подстриженные в кружок волосы, стукнул палочкой раз, другой. На третий они заиграли – сумбурно и оглушительно.

Виктор осторожно протиснулся между девушками и, подойдя к белокурой, протянул руку:

– Можно вас пригласить?

У нее было широкое лицо и ярко накрашенные губы. Она удивленно подняла брови, усмехнулась и шагнула к Виктору. Он взял ее за руку и вывел на середину танцплощадки.

Солист схватил микрофон и что-то запел, сясь перекричать рев динамиков.

Девушка положила руки Виктору на плечи, он обнял ее за талию.

– Вообще-то это быстрый танец, – проговорила она.

– Я быстро не умею.

– Что ж так?

– Не научили вовремя.

– Почему?

– Да вот не научили, и все тут... – Виктор мельком глянул вокруг и понял, что вся танцплощадка смотрит на них. Рядом танцевали несколько пар, поодаль девушки образовали круг.

– Вас как зовут?

– Люба. А вас?

– Миша. – Виктор сильнее привлек ее к себе и, уткнувшись ртом в ее волосы, прошептал: – Вы очень хорошая девушка, Люба.

Она отстранилась, быстро взглянула на него:

– Вы всегда так обнимаетесь?

– Нет, только в исключительных случаях.

– Вы что – приезжий? Из Щелкова, наверно?

– Да, из Щелкова.

Он снова попытался прижать ее, но Люба уперлась ему ладонями в плечи:

– Вы что? Вы всегда так?

– Я же говорил, Любаша, что не всегда. Просто ты мне понравилась.

– Я многим нравлюсь. И если вы так еще раз сделаете, я с вами танцевать не буду.

– Ну вот, сразу и обиделась! – Виктор на мгновение отстранился, но потом вдруг схватил ее за талию, поднял в воздух и громко поцеловал в лоб.

Девушка вскрикнула и стала вырываться:

– Пусти, пусти, дурак!

Виктор отпустил ее. Она повернулась и быстрым шагом пошла к выходу – кудряшки подрагивали на ее поджавшихся плечах. За ней побежали подруги.

Виктор огляделся.

Со всех сторон на него смотрели лица. Смотрели, перешептываясь, накрашенные девчонки, смотрели подвыпившие парни в мешковатых пиджаках, смотрели музыканты, смотрел Степченко.

– Ну вот и совсем обиделась! – Виктор рассмеялся и неторопливо пошел вдоль лавок.

– И что, у вас все такие обидчивые? – спросил он у какой-то девушки, беря ее за локоть.

Она прыснула и нырнула в толпу подруг.

– Ну вот. Та обидчивая, а эта хохотушка. А вот вы, – Виктор обнял за плечи другую девушку, – вы какая? Целочка, наверно? Ну, сознайся, здесь все свои.

Девушка оттолкнула его:

– Черт пьяный!

Виктор обиженно развел руками:

– Ну какой же я пьяный? А? Разве я пьяный? Вы тоже думаете, что я пьяный? – Он взял за руку другую девушку. Она вырвалась, а рядом стоящий парень пошел на Виктора:

– Ты чего грабли распустил? Что – здоровый, что ли?

– Ну вот, – Виктор вздохнул, – и пошутить нельзя.

– Я тебе пошучу! А-ну катись отсюда! – Парень толкнул Виктора.

Рядом появились еще два парня. Один из них – высокий, с некрасивым рябым лицом – глухо проговорил:

– Поприехали фраера наших девок прикалывать.

– Виктор снова вздохнул, махнул рукой:

– Да ну вас. Шутки не понимаете.

– Я кому говорю, вали отсюда! – не унимался парень.

Он был рыжий, в темно-синем костюме.

– Да что я тебе, мешаю, что ли? Чего ты разорался, дурачок?

Рыжий удивленно выпятил челюсть:

– Чтооо?

Рябой подтолкнул рыжего:

– Вломи ему, Паш. Хули он права качает.

Вокруг собралась толпа парней. Их потные загорелые лица выжидающе смотрели.

– Пиздани ему, Паш. Он Любку Болдину подписывал.

– Ишь, фраер, развыбывался, бя...

– Чо смотришь, Пашк! Бей в лоб, делай клоуна!

– А ты, фраер, хули стоишь – гони мышцу!

– Ребята, не деритесь, – раздался за их спинами девичий голос. – Что вы все на одного?

Он пошутил.

– Я вот ему пошучу. – Рыжий провел языком по губам.

Виктор рассмеялся.

Вокруг загалдели:

– Урой его, Пашка!

– Во, бя, и лыбится еще!

– Бей, чего стоишь?

Пашка кинулся на Виктора. Виктор отстранился и вдруг легко и страшно ударил его ногой в лицо. Рыжий полетел через голову. Стоящий рядом рябой размахнулся, но ответный удар в печень согнул его пополам. Кто-то сзади схватил Виктора за волосы, но его голова

сделала круговое движение, рука нападающего скользнула ему на плечо, и вслед за хрустом страшный крик разнесся по танцплощадке.

Толпа отшатнулась и через мгновение бросилась на Виктора. Секунду он был накрыт мешаниной серо-коричневых спин, но вдруг выскользнул, взвился над ними. Его руки замелькали – раздались крики покалеченных, он метнулся в сторону и, проложив себе дорогу сквозь тела и лица, махнул через забор.

Толпа с ревом бросилась за ним. Затрещал забор, завизжали девки, мелькнули кулаки с отодранными штакетинами, заматерились упавшие и отстающие.

Виктор обогнул дом и побежал по улице. Толпа неслась за ним.

Он кинулся влево, сквозь кустарник, прыгнул через груды щебня и скрылся во дворе. Преследователи с треском рванулись через кусты:

– Там, Сашка, там он!

– Лови его, гада!

– Хуярь!

– За сараями он, робя!

Виктор пробежал мимо сараев, прыгнул за батареею мусорных контейнеров и затаился. Толпа рассыпалась по двору:

– Здесь он, здесь, падла!

– В проходе посмотри, Сега!

– Сука городская, недоносок хуев!

– За гаражами, наверно! Айда туда!

Большинство бросилось к гаражам.

Подождав мгновение, Виктор выскочил из-за контейнера. На него бросились четверо. Он встретил их градом странных, замедленно-размашистых ударов. Двое упали, один, зажав нос, бросился прочь, а четвертый отскочил к контейнерам и, беспорядочно махая штакетинной, закричал:

– Сюда, ребята, сюда!

Виктор уклонился от палки, перехватил его руку, крутанул – штакетина вылетела, парень взвыл. Виктор схватил его, качнул на себя и со всего маху ударил головой об угол контейнера. Парень обмяк и беззвучно повалился, контейнер опрокинулся, из него посыпался мусор и выскочила крыса.

– Вот он, гад, бей его! – Толпа уже летела из-за гаражей, заполняя двор.

Виктор бросился за сарай, через кусты бузины, прыгнул на что-то жестяное, громко ухнувшее, перемахнул невысокий заборчик и оказался в соседнем дворе. Здесь в окружении молодых сосен стояли одноэтажные домики, посередине торчал детский грибок с покосившейся шляпкой. Виктор подбежал к грибку и встал за его столбик.

Преследователи продрались сквозь забор, замелькали меж сосен:

– Он к воротам побежал, я видел!

– Да за домом он, ни хуя ты не видел!

– Туда, к клозету, там он!

– Бей его, суку, мочи!

– Возле кустов, смотри там!

Толпа разделилась в поисках Виктора. Большинство парней полезли обшаривать кусты возле забора, другие побежали к туалету, третьи – за ворота.

Несколько человек оказались возле грибка.

Виктор пропустил их, выскочил и в два прыжка оказался рядом: задний парень вскрикнул, схватился за голову, другой отлетел к грибку, оставшиеся бросились бежать, крича и призывая товарищей. Виктор легко догнал их, но возле кустов трое других парней бросились на него. Виктор сбил первого, но второй крепко ударил его палкой по спине.

Он бросился к воротам, опрокинул двоих, вырвал кол у третьего и сломал его об одного из нападавших. Сзади кто-то достал его кулаком по голове. Виктор прыгнул в сторону, развернулся, нога его прошла около головы парня, разнесла штакетник. Парень испуганно присел.

Виктор пробежал ворота, перепрыгнул через канаву и понесся по улице.

Поредевшие преследователи бежали за ним. Один из них оторвался от остальных и стал догонять Виктора. Возле слабо светящейся витрины продуктового магазина он догнал его:

– Ах ты, сука, блядь!

Виктор резко бросился на землю, парень полетел через него и встать не сумел – молниеносный удар разmozжил ему лицо.

У витрины Виктора попытались окружить. Он оттолкнул одного, ударил другого, а третьего – высокого и худого – раскрутил за руку, отгоняя махающих кольями, и метнул в витрину.

Зазвенели, посыпались на асфальт осколки, протяжно закричал покалеченный.

Виктор забежал за угол, пронесся вдоль трех подъездов и нырнул в четвертый. Внутри было темно и пахло блевотиной.

Тяжело дышащий Виктор встал за второй дверью, прислонившись к прохладному радиатору.

Преследователи захлопали дверьми подъездов:

– Здесь он!

– Ну, бля, поймаю гада, убью, сука ебаная!

– Во втором он, там дверь хлопнула!

– Не выпускать его! Из подъезда не сбежит!

Трое забежали в четвертый подъезд. Виктор вжался в радиатор, но парни заметили его светлую безрукавку:

– Вот он!

Виктор пригнулся, штакетина с треском разлетелась о радиатор.

Он напролом бросился через них, стукнулся лбом о чью-то голову, задел плечом за дверь и выбежал из подъезда.

Какой-то парень схватил его за руку, но Виктор вырвался.

Кинутый кем-то кол больно попал ему по ногам. Выругавшись, он схватил его, кинулся на своих преследователей.

Они бросились врассыпную.

Возле угла дома Виктор догнал одного, ударил колом по голове. Кол сломался, парень повалился со стоном. Четверо других парней, бросив палки, понеслись по улице. Виктор побежал за ними и вскоре догнал – возле той самой канавы. Двоих он сбил, третьего толкнул в канаву. Оставшийся парень рванулся через кусты. Виктор настиг его у забора, сбил с ног, приподнял и ударил лицом о штакетник. Парень взвыл, неожиданно вывернулся из рук Виктора, побежал вдоль забора. Виктор бросился за ним. Парень бежал, повизгивая, оторванная щека болталась возле скулы. Виктор с трудом догнал его, ударил ногой в голову. Парень упал, ноги его конвульсивно задергались.

Виктор выбрался на шоссе.

Кругом было пусто – безмолвно стояли дома и где-то за ними, на танцплощадке, музыканты настраивали электрогитары.

Он огляделся, отряхнул испачканные колени и пошел по тускло освещенному асфальту. Пройдя три дома, он свернул, пересек небольшой пустырь с чахлыми деревцами и оказался снова перед танцплощадкой.

По-прежнему играла музыка, по-прежнему прыгала пестрая толпа под скрестившимися лучами прожекторов.

Виктор подошел ближе.

Забор в одном месте был повален и переломан, в проеме толпились танцующие.

Виктор прошел вдоль забора и оказался у будочки с билетами. Прямо возле нее стояла небольшая кучка парней. Заметив Виктора, они бросились в разные стороны.

Двое побежали через пустырь.

Виктор кинулся за ними. Одного парня догнал на пустыре, ударил кулаком в шею, другой оказался проворней – увернулся, перебежал улицу и понесся по проселочной дороге.

Виктор преследовал его.

Дорога неслась через поле.

Вскоре кусты обступили ее. Парень пробежал еще немного, остановился и, скинув ремень, обмотал его конец вокруг кисти:

– Ну что, бля... попробуй только... попробуй, бля... Виктор остановился, медленно подошел к нему. Оба тяжело дышали.

– Попробуй, бля. – Парень испуганно смотрел на него. – Попробуй... А то думаешь – здоровый? Соберемся, пизды дадим... мнинских позовем... а в Щелкове у меня полгорода родни... скажу, бля, кому надо, так таких пиздюлей...

Виктор шагнул к нему, парень взмахнул ремнем. Виктор нырнул под свистнувшую пряжку и ударил его в солнечное сплетение. Парень согнулся, осел на колени. Его вырвало. Виктор выхватил из его разжавшейся руки ремень, размахнулся. Пряжка свистнула над головой парня, он судорожно вскинул руки.

– Что, ссышь, котенок? – Виктор легонько ткнул его пряжкой по спине.

Парень поднял бледное лицо. Виктор помедлил минуту и ударил его ногой в живот. Парень захрипел. Виктор склонился над ним и нанес ему страшный удар в основание шеи. Парень беззвучно повалился на дорогу.

Виктор схватил его за руки, раскрутил и зашвырнул в кусты:

– Вот и вся история...

Отдышавшись, он поднял широкий солдатский ремень с желтой бляхой и, похлестывая им по влажным веткам, пошел по дороге.

Впереди, за кустами виднелось поле.

Виктор остановился, потер затылок:

– Шишку набили, обормоты...

Потом повернулся и неторопливо побежал через поле, шурша мокрым от росы овсом. Брюки его быстро намокли, пряжка болтающегося в руке ремня посверкивала в темноте.

Поле пошло под уклон, и вскоре Виктор спустился в широкий и длинный овраг. Здесь было совсем темно и сыро. Где-то журчал ручей.

Раздвигая переросшую траву, Виктор нашел ручей, зачерпнул рукой темную воду и сполоснул лицо.

Ручей был узкий, полужасохший. От воды пахло прелью.

Виктор перепрыгнул через него, выбрался из оврага и снова пошел по полю, на этот раз ничем не засеянному. Из-под ног его выпорхнула перепелка, попискивая, полетела прочь. Виктор махнул ей вслед ремнем.

Поле пересекала дорога.

Он огляделся:

– Ну вот. Кажется, наша... ага...

Дорога шла через знакомые кусты.

Виктор пошел по ней.

Вскоре поле кончилось, и лес встал вокруг. Было черно, сыро и прохладно. Деревья стояли словно декорации – неподвижно. В черных проемах меж ветвями посверкивали звезды.

Виктор нашел тропинку, перешагнул поваленное дерево.

Где-то наверху сорвалась с ветки птица, вяло захлопала тяжелыми крыльями.

Сквозь листву мелькнул свет.

Виктор прошел по тропинке, перепрыгнул лужу, раздвинул орешину: посреди лужайки стояла «Волга», в кабине горел свет и Степченко что-то со смехом рассказывал шоферу.

Виктор подошел сзади, постучал по крышке:

– Можно к вам?

– Ааааа! Герой вечера! Илья Муромец! – Степченко вылез, обнял Виктора. – Ну, молчу! Один в поле воин! Не ожидал! Нашел дорогу? Все в порядке? Цел? Не поранили?

– Да нет вроде...

– Ты лесом возвращался? Полем? А может, через Бобринское?

– Дорогой.

– Ну, молодец! Молодец! А это что – ремень? Что – трофеем боевой? Ух... тяжелый, бля... башку проломить ничего не стоит... Видел я, как ты начал, как дуру эту поддел. Как козла на тебя ломанулась – испугался даже, подбежал поближе, думаю – втопчут козлы Витьку в землю! Да куда мне! Махнул парень через забор! А эти мудаки, – он заглянул в кабину, – за ним! За ним, бля! Ну, молодец!

Степченко потянул его в кабину:

– Давай полезай сюда.

Виктор влез и сел рядом с ним. Степченко, улыбаясь, разглядывал его:

– Ну, молодец парень, молодец, Первый выезд, а так сработал... Пстой, пстой, что это...

Он повернул голову Виктора к свету. На левом виске краснела ссадина.

– Ну, это в кустах, наверно...

– И рубашка порвана, вон, смотри... – Степченко потрогал разорванный рукав и прищелкнул, посмотрев на спину Виктора. – Ни хуя себе! Во, полоса какая. Чем это они тебя? Колом, что ли?

– Да, наверно... но это пустяки...

Шофер тоже посмотрел, перегнувшись через сиденье.

Степченко рассмеялся:

– Ну ладно, это не в счет. Я-то после того, как они за тобой ломанулись, сюда пошел, ничего не видел. Ну откровенно скажи – скольких угробил? Десять? Двенадцать?

Виктор устало улыбнулся:

– Да я не считал...

– Ха-ха-ха! – Степченко захохотал, мигнул шоферу. – Я ж говорил, он заводной. Ну молодец. А некоторые теряются в первый выезд...

– Почему?

– В зале-то привыкнут к своим, рожи примелькаются – тренеры да партнеры. Хоть и нападают и замахиваются, так знаешь ведь, что свои, что ни хуя не сделают. А тут другое... Тут – замахнулся – бей! Слыхал пословицу?

– Слышал.

– Ну вот. Шпана, она и есть шпана. МГ – 18. По правде сказать – все они вставлены в 22. Дохлаки. Попадают, конечно, 64 и 7. Те, что армию отслужили. А так в основном – пшено, малолетки. Отцы – из запоя в забой, из забоя в запой, днем на заводе въябывают, вечером буханут и козла забивают, а пацаны – хули им делать? В школе отсидают, днем хуи проваляют, вечером футбол посмотрят, бутылку красного раздавят на семерых – и на танцы. А там дело ясное. Думаешь – танцевать они пришли? Ни хуя! Он, бля, ни рожей ни кожей не вышел, как

и родители-алкоголики, он и поговорить-то с девкой толком не умеет, не то что – танцевать. Зато свинца под ременную бляху он залил, не забыл. На танцы придут кодлой и ждут, кого б отпиздить. Найдут чужака какого или своего понезнакомей да посамостоятельней – отхуярят и по домам: на неделю впечатлений – во! – Степченко провел ребром ладони по горлу. – Будут по сто раз перемалывать – как я его да как мы его. А то кодла на кодлу полезет. Но это – реже... Значит, Витек. Коротко. По 17 все в порядке, по 9 нормально. Не дотягиваешь по касаниям. Ртуть, ртуть, помни, не скатывайся к 7. И главное, я тебе много раз в зале говорил и здесь повторю – забудь про свой бокс раз и навсегда.

– Да я стараюсь забыть, Семен Палыч, да трудно. Восемь лет ведь...

– Кротов Вася одиннадцать отстучал, и ничего. Словно и не занимался, посмотри на него. А ты – чуть что – в стойку горбишься. Кому нужна твоя стойка? Ты не боксер, не каратист, не ниндзя. Ты уе-боха. Помни про 9.

Шофер улыбнулся:

– А что, много было их?

– Человек сорок. – Степченко скатывал ремень. – Заводи, Петь, поехали... Вообще постой-ка, надо отлить...

Он вылез из машины.

– Я с вами. – Виктор выбрался следом.

Шофер заворочался и тоже вылез.

Через минуту три струи зашелестели по траве. От травы пошел пар.

Степченко посмотрел на неподвижные деревья, поежился и, отряхиваясь, проговорил:

– Тихо падают листья с ясеня. Ни хуя себе, сказал я себе.

Шофер тихо добавил:

– Глянешь в небо, а там действительно...

Виктор застегнул брюки, глянул на звезды и прошептал:

– Охуительно, восхитительно.

Соревнование

Лохов выключил пилу, поставил ее на свежий пенёк:

– Они третью делянку валят. Там еще с ними этот... Васька со Знаменской...

– Михалычев? – спросил Будзюк, откинув сапогом толстую сосновую ветку.

– Он самый. А завел их ясно кто – Соломкин. Вчера в конторе мне ребята рассказывали. У них комсомольское собрание было, ну и Соломкин выступал. Мы, говорит, всегда за будзюковской шли, а теперь кровь из носу – будем первыми. Ну и началось. Я щас шел, они там, как стахановцы, – валят, не разгибаясь.

Будзюк вздохнул, потер о рукав испачканную в смоле ладонь:

– Да... Соломкин, он боевой парень, я знаю... этот заведет...

– Да и остальные тоже, знаешь, они ведь как на подбор там – после армии только.

Силушку девать некуда...

Будзюк молча кивнул головой. Над просекой парили два ястреба. Лохов снял фуражку, вытер вспотевший лоб:

– Я еще раньше сказать хотел, да, знаешь, как-то...

– Что?

– Ну, не знаю...

Будзюк рассмеялся:

– Чего, испугался, что ли?

– Да нет, Сень. Просто при ребятах не хотелось. Пусть сами в конторе узнают.

Будзюк стряхнул с брюк опилки:

– А не все ли равно – когда. Да и чего такого? Ну вызвали на соревнование, ну и что?

Лохов почесал щеку:

– Сень, а может, пусть они с васнецовской соревнуются, а?

Будзюк насмешливо посмотрел на него:

– Чего – сдрейфил?

– Да нет... просто годы уже не те... напахался, да и ты тоже...

Будзюк покачал головой:

– Да-а-а... как ты быстро на попятную. А я вот, Иван Алексеич, дорогой мой сродственник, тоже попахал за свою жизнь не меньше твоего. Но уступать первое место и вымпел каким-то там Соломкиным не желаю! А ребята щас вернутся, я им скажу, что соревноваться будем. Будем!

Лохов, прищурясь, смотрел на попискивающих ястребов. Будзюк поставил ногу в кирзовом сапоге на поваленную сосну:

– Да неужели у тебя простой человеческой гордости нет, Вань? Они ж молокососы, салаги зеленые! Ты что, думаешь, у наших сил не хватит? Да мой Жорка троих ихних стоит! А Петро? А Саня? За пояс мы их заткнем, факт! Они и леса-то не видали сроду, а туда же – перегоним! Штаны лопнут.

Лохов улыбнулся:

– Ну это как сказать, Сень. Они вон какие – угарные ребята.

– Бог с ними. Пусть пашут. Мы сноровкой возьмем, а не нахрапом.

– Да я-то не против, пожалуйста... только чего нам этот вымпел... премию и так получаем, прогрессивку тоже...

Будзюк махнул рукой:

– Скушный ты человек, Ваня. А еще потомственный лесоруб...

Он поднял свою пилу, тронул клапан подсоса, дернул шнур. Пила затарахтела, выпуская бело-голубой дым. Будзюк подхватил ее и понес к соснам.

Лохов нехотя встал:

– Сень, а может, ребят подождем?

Будзюк шел не оборачиваясь.

Лохов принялся заводить свою пилу. Один из ястребов сложил крылья и упал вниз. Будзюк подошел к сосне, быстро вырезал желобок, зашел с другого бока и всадил ленту в бугристый ствол. Пила заурчала, желтоватые опилки посыпались на сапоги. Полотно медленно входило в дерево. Будзюк слегка нажимал.

Лохов подошел с тарахтящей своей и принялся за соседнюю сосну.

Будзюковская сосна дрогнула, закрипела. Он отошел, перехватил пилу поудобнее. Сосна качнулась и стала валиться. Длинный ствол ее изогнулся и с треском обрушился на землю.

– На середку вали! – крикнул Будзюк согнувшемуся Лохову, и Лохов кивнул.

Будзюк шагнул к другой сосне, примериваясь, оглянулся, зашел с нужного бока и стал вырезать желобок.

Лохов отошел от своей. Сосна повалилась на только что упавшую.

– Щас шалашом свалим, а левые не трогай! Там в овраг валить надо! – прокричал ему Будзюк.

Пила в руках у Лохова зачихала и остановилась.

– Чего там? – прокричал Будзюк, входя в ствол с нового бока.

– Да «Дружба» старая... Андрея... выкидывать ее надо!

Будзюк отвернулся, сильнее налег на ручки. Лохов покачал подсос, намотал шнур, дернул. Пила затарахтела и смолкла.

– Аааа... чтоб тебя...

Он стал снова наматывать шнур. Будзюк повалил сосну, выбрал другую. Лохов завел пилу, сплюнул и, переступив через ствол, посмотрел на стоящие неподалеку сосны:

– Хоть бы одна кривая... как на подбор... Будзюк вырезал кустарник возле сосны.

– Давай помогу, Сень! – крикнул Лохов и зашагал к нему.

– Ты лучше иди вон те вали... или с этих сучья режь... во, позаросло... не продерешься!

– Лозовина, знамо дело!.. – крикнул Лохов, становясь рядом. Он сильнее прижал к ручке рычажок акселератора, быстро перекинул пилу влево и всадил полотно в шею склонившегося Будзюка. Темная кровь полетела из-под зубчатой ленты, голова вместе с потерянной кепкой отделилась от шеи, упала в кусты. Ноги Будзюка подогнулись, пила врезалась в землю. Он повалился на пилу, суча ногами.

Лохов оглянулся, вытащил из-под безглавого тела пилу, подхватил свою и побежал, волоча их по земле, увертываясь от продолговатых полотен. Руки его прижимали рычажки акселераторов к рукояткам, пилы ревели, голубоватые шлейфы выхлопа тянулись за ними.

– Теперя и посоревнуемся... посоревнуемся... – бормотал Лохов, огибая пни.

Он пробежал через просеку, пересек овраг и оказался на обрыве. Внизу неторопливо текла Соша, трое ребятишек сидели на мостках и удили рыбку.

Заметив Лохова с ревущими пилами в руках, они приподнялись:

– Во, дядь Ваня двумя прям...

– А шумят-то...

– Дядь Вань, а ты батяньку моего не видал?

Лохов свистнул, одно из полотен коснулось его ноги, он вздрогнул. Ребята смотрели на него.

– Вот и посоревнуемся теперя... – пробормотал Лохов, разбежался и вместе с воющими пилами полетел в воду.

Геологи

В черной от копоти, выдавшей виды печурке звонко потрескивали дрова, из полуприкрытой чугунной дверцы полыхало пламя, бросая янтарные отблески на лица геологов.

Соловьев в последний раз затянулся папирсой и сунул окурок в оранжевую щель.

Сидящий рядом на низеньком кедровом стульчаке Алексеев поигрывал широким охотничьим ножом, монотонно втыкая его в сучковатое полено.

Соловьев вздохнул и встал, едва не коснувшись вихрастой головой прокопченного потолка зимовья:

– Нет, ребята. Решать надо сегодня.

Авдеенко молча кивнул, Алексеев неопределенно пожал плечами, продолжая втыкать нож, а сидящий у заиндеветшего окошка Иван Тимофеевич все так же неторопливо пытался своей желтой костяной трубкой.

– Саша, ну что ты молчишь? – повернулся Соловьев к Алексею.

– Я уже все сказал, – тихо и внятно проговорил Алексеев. Его широкое бородатое лицо, высвеченное оранжевыми всполохами, казалось невозмутимым.

– Но ведь твое предложение по крайней мере нелепо! – тряхнул головой Соловьев. – Что же – бросить друзей в лавиноопасной зоне, а самим сматывать удочки?!

Широкий нож с силой воткнулся в полено:

– А по-твоему, значит, стоит пустить псу под хвост год тяжелейшей работы?

– Но люди-то дороже образцов, Саша! – неловко всплеснул руками Соловьев.

– Конечно, – согласился Авдеенко, глядя на Алексея.

Тот раздраженно ударил ручкой ножа по колену:

– Ну, что вы как дети! Давно они уже в Усть-Северном, ваши Сидоров с Коршевым! Давно! Голову даю на отсечение – сидят сейчас и чай гоняют! И никакая лавина им не грозит!

– Но рация, Саша, рация-то говорит другое! – перебил его Соловьев. – Какие чай, если ребят нет в Усть-Северном?

– Нет, значит, через день-другой будут там, – уверенно отрезал Алексеев.

– А если они не пошли в Усть-Северный? – спросил Авдеенко, наклоняясь вперед и осторожно снимая с печурки кружку с дымящимся чаем.

– Придут, – с той же уверенностью проговорил Алексеев, нашаривая в карманах широких ватных брюк папирсы, – про лавину они знают – раз, вертолет наверняка видели – два, геологи опытные – три. А потом, друзья мои, вы что, думаете, они на отвалах возьмут что-нибудь? При таком буране? Они там пару суток проторчат, не больше. И в Усть-Северный двинутся...

Он сунул в печку сухую кедровую веточку, вынул и прикурил от охватившего ее пламени.

– Ты так рассуждаешь, будто все уже известно наперед, – грустно усмехнулся Авдеенко. – Но ведь в Усть-Северный они собирались только на следующей неделе. По плану-то так.

– Николай, ну что ты говоришь? Что они – пацаны, что ли? У Коршевского десятилетний стаж, он эти места знает как свои пять! Неужели, по-твоему, они настолько глупы, чтобы по вертолетам и стрельбе не догадаться о лавине? Да и продукты у них на исходе. Значит, пойдут в Усть-Северный. Я точно говорю вам, пойдут! А вы вот с Петром – настоящие паникеры. Рассуждаете, как младенцы, – бросить все, бросить образцы и идти искать! Где искать? Вдоль хребта? У Желтой Каменки? А может, к западному ущелью податься? Вы же сами ничего толком не знаете. Бросить образцы, чтоб их лавиной засыпало! Полный абсурд...

– А если не засыплет? – спросил Авдеенко. – Сюда лавина вряд ли дотянется...

– А если дотянется? Что тогда? – повернул к нему свое широкое лицо Алексеев. – Как мы в глаза Родникову посмотрим?

Они замолчали, сосредоточенно глядя на потрескивающую печурку.

Иван Тимофеевич все так же неторопливо курил. Загорелое скуластое лицо его было хмурым и сосредоточенным. Седые виски выглядывали из-под плотно натянутой вязаной шапки.

Авдеенко покачал головой:

– Да, образцы, это конечно... год собирали... Вытянув губы, он стал осторожно прихлебывать горячий чай. Соловьев нетерпеливо сунул руки в карманы:

– Саша, давай-ка еще раз свяжемся с Усть-Северным.

Алексеев пожал плечами, встал:

– Пожалуйста.

В углу на грубо сколоченном столе поблескивала алюминиевой панелью новенькая рация.

Подвинув стульчак, Алексеев уверенным движением надел наушники, щелкнул тумблером. На панели засветился красный огонек.

Алексеев быстро заработал ключом.

Потом перестал, поправляя наушники на голове, вслушиваясь в ответную россыпь морзянки.

– Ну вот... – тихо проговорил он, простукивая «отбой». – Не пришли еще. Нет их. А вертолеты завтра утром, как пурга уляжется, опять полетят.

Выключив рацию, он снял наушники, встал:

– В общем, ребята, по-моему, надо собираться и с утречка – в путь. Образцы тяжелые – добрые полтонны. Пока дойдем, пока что...

Сидящий возле окошка Иван Тимофеевич вздохнул и выпустил широкую струю дыма.

Все повернулись к нему.

Соловьев осторожно спросил:

– Иван Тимофеевич, ну а вы-то что думаете?

Иван Тимофеевич молча покусывал мундштук трубки.

Алексеев почесал бороду:

– В тупик зашли. Я – одно предложение, они – другое... дилемма...

Авдеенко поставил пустую кружку на стол:

– Первый раз такие разногласия. Иван Тимофеевич, вы вот геолог опытный, двадцать пять лет в партиях. Уж вы-то, наверное, знаете, что делать.

– Наверное, поэтому и молчите, – улыбнулся Соловьев.

Иван Тимофеевич ответно улыбнулся:

– Поэтому, Петя, поэтому...

Он приподнялся, выбил трубку о край стола, убрал в карман и облегченно выдохнул:

– Значит, так. Как говорил мой земляк Василий Иванович Чапаев, на все, что вы тут наговорили, – наплевать и забыть. Давайте-ка на кофейной гуще гадать не будем, а станем рассуждать по-серьезному. Оценивая сложившуюся ситуацию, мне кажется, что надо просто помучмарить фонку.

В наступившей тишине Алексеев качнул головой. По его лицу пробежало выражение восхищения:

– А ведь верно... как я недодумался...

Соловьев растерянно почесал затылок, тихо пробормотал:

– Да я, вообще-то... хотел то же самое...

Авдеенко одобрительно крикнул, шлепнув себя по коленке:

– Вот, орлы, что значит настоящий профессионал!

Потрепав его по плечу, Иван Тимофеевич вышел на середину избы, присел на корточки и костяшками пальцев три раза стукнул в оледенелый пол, внятно проговорив:

– Мысль, мысль, мысль, учкарное сопление.

Стоящие вокруг геологи хором повторили:

– Мысль, мысль, мысль, учкарное сопление.

Затем молодые геологи быстро встали рядом, вытянув вперед ладони и образуя из них подобие корытца.

Иван Тимофеевич сделал им знак головой.

Геологи медленно наклонились. Кoryтце опустилось ниже. Склонившись над ним, Иван Тимофеевич сунул себе два пальца в рот, икнул, содрогаясь.

Его быстро вырвало в корытце из ладоней.

Отдышавшись, он достал платок и, вытерев мокрые губы, проговорил:

– Мысль, мысль, мысль, полокурый вотлок.

Не меняя позы и стараясь не пролить на пол густую, беловато-коричневую массу, геологи внятно повторили:

– Мысль, мысль, мысль, полокурый вотлок.

Иван Тимофеевич улыбнулся и облегченно вздохнул.

В печке слабо потрескивали и с шорохом разваливались прогоревшие поленья.

За маленьким окошком свистела таежная вьюга.

Желудевая Падь

Дед осторожно опустил на поваленный дуб, потрогал гладкий, потерявший почти всю кору ствол:

– Вишь, чистый какой...

Сашка подошел, поставив рядом ведро с грибами:

– Что, объел кто?

– Да нет, сама отлупилась. – Дед достал кисет, стал медленно развязывать. – Дубовую кору мало кто ест. Горькая она. И твердая. Заяц яблоню уважает, а лось ольху...

Сашка сел рядом с дедом, сложил ножик и кинул в ведро, на лохматые шляпки груздей.

– Плохое тут место, дедуль. Грибов нет что-то. Сырота. Вот и ореховики одни да молодкане.

Дед развязал кисет, зачерпнул трубочкой крупно нарезанный табак:

– Сырота, она и есть... Вон низина-то какая. От этого и дубы валятся. И желуди на них не держатся...

– Поэтому и Желудевой Падью назвали?

– А как же. Желудевая Падь, она и есть. Чуть желуди наклюнулись – и опали сразу, не созревши. Сырота...

Он достал спички, примял табак в трубке и закурил.

Сашка зевнул, положил руки на колени:

– Тетя Ната сейчас небось обедает.

– Ага, – кивнул дед головой. – Погодь, поспеем. Дай покурю малость. Тут идти-то версты полторы, не боле...

Он медленно потягивал трубку.

Ветра не было, и голубоватый дым волнисто расплывался возле его морщинистого лица с большим горбатым носом и гладкими белыми усами.

Сашка смотрел, как проступает в трубке сквозь табак оранжевый огонек:

– Дедуль, а почему ты тут сидеть любишь? Тут же грибов совсем нет и сыро.

Дед усмехнулся:

– Да так... памятное местечко...

– Как – памятное?

– Тут мой друг погиб. Крестного сын. Вася.

– Ты что-то не рассказывал.

Дед молча кивнул головой и продолжал курить.

Желудевая Падь лежала перед ними.

Толстые, тесно стоящие дубы кое-где переплелись корявыми ветвями, широкие стволы утопали в узорчатых листьях папоротника.

Лучи вечернего солнца, пробившиеся сквозь листву, играли на дубовой коре.

Дед выпустил дым сквозь усы, потрогал висок:

– Да... давно это было...

– В войну?

– В войну. В ее самую. Тут у нас немцы стояли, а мы с отрядом были верст семьдесят отсюда.

– Возле Черногатины?

– Да. А Вася из Малых Желтоух был. Выросли вместе, вместе в отряд ушли. Ну и невеста была у него. Не в Желтоухах, а у нас, на Слободке.

– Она жива щас?

– Нет. Лет семь тому померла. И его нет.

– А ты, дедуль, знаешь, как он погиб?

Дед снова усмехнулся:

– Да я ж видал все. Прямо на моих глазах.

– Правда?

– Правда, Саш, правда.

Дед раскурил погасшую трубку, вздохнул:

– В сентябре было. Мы тогда думали в Белоруссию идти, фронт там был. А у нас уж ни оружия, ни припасов не было. Ждать-то неоткуда. Что было – потратили. Так по лесам и отсиживались. Короткие вылазки делали. Ну и командир решил идти прорваться к нашим, чтоб зимой не околеть в лесу.

– Дедуль, а в деревнях вы не могли зимовать?

– В деревнях-то немцы, голова! Это ж все немчурой занято было. Вот. Ну и Васька, а он хороший разведчик был, на хорошем счету, упросил, стало быть, командира отпустить его за хлебом. А заодно и с невестой проститься. Ну и пошли мы. С подводой, тихохонько пошли. Шли ночь, день спали в кустах. Потом опять ночью. И вот только утро начинается, а мы впятером входим в Желудевую Падь.

Дед сощурился, пососал трубку:

– Солнце тогда еще токмо-токмо встало, туман еще, мга вокруг дубов. Кобылка наша плохонькая, ребра светятся. У телеги колеса ветошью обмотаны, чтоб не гремели. Идем, стало быть. Васька лошадь ведет, Сережка Осадчий сзади, Петька Бирюленок с Женькой на телеге, а я справа так-то во... – Дед встал, выпрямился с трубкой в зубах. – На грудях у меня автомат немецкий, две гранаты за поясом, френч, с офицера снятый. И вот, стало быть, только мы входим, значит, как...

Он вздрогнул, вынул изо рта дымящуюся трубку и громко заблеял высоким голосом:

– Ммееееее...

Впалый рот его широко открылся, обнажив редкие сточившиеся зубы, глаза закрылись, седая голова откинулась назад:

– Ммееееее...

Сашка недоумевающе уставился на него.

Дед вытянул перед собой руку с трубкой, качнулся и пошел по папоротникам, блея и трясясь.

– Дедуль... дедуль... – прошептал бледный Сашка, привставая.

Дед шел к дубам, высоко поднимая колени. Дрожащий голос его эхом разносился по Желудевой Пади.

Заседание завкома

К заводскому клубу Витька Пискунов пришел в девятом часу, – два фонаря уже горели, возле облупившихся десятиметровых колонн толпились парни. Заметив его, они перестали разговаривать, повернули к Витьке свои хмельные лица:

– Привет, Пискун.

– Здорово...

– Ну что – готов?

– Готов. Морально и физически. – Витька достал папиросу, приблизился к широколицему парню. – Дай-ка...

Парень вынул изо рта сигарету, протянул Витьке:

– Собрались уж. Тебя ждут.

– Черт с ними. – Витька прикурил.

– С ними-то с ними, а попотеть тебе придется, это точно.

– А что ты волнуешься? Мне ж потеть, не тебе. – Запрокинув голову, Витька выпустил вверх дым, посмотрел на звезды.

– Да я не волнуюсь, я так. – Парень затушил окурок о колонну. Другой парень – высокий и горбоносый, оскалась, хлопнул Витьку по плечу:

– Ничего, робя, Витьку с кашей не съешь! Он сам кого хочешь слопаёт! Правда, Витьк?

Пискунов молча курил, привалившись к колонне.

– Да, Пискун, дозашибался ты, – качнул головой другой парень. – Не завидую.

– Ладно, Жень, не расстраивай его...

– А чего это они в клубе надумали?

– Зал на ремонте.

– Ааааа... Понятно.

Пискунов докурил, щелчком послал окурок в клумбу и, отстранив широколицего, двинулся к двери.

– На танцы придешь?

– Не знаю...

– В общем, Витек, бутыл с тебя по случаю такого случая, – хмыкнул горбоносый в спину Пискунова.

– Бутыл? – Оттянув дверь, Витька обернулся. – Хуиль! Бутыл сам поставишь, за футбол еще задолжал... А за мной не заржавеет, не бойсь...

Хлопнув дверью, он вошел в вестибюль.

Внутри было пусто. Окошечко кассы не горело. На вешалках висел халат уборщицы, три чьих-то пальто и серый плащ Клокова.

«Приперся, – подумал Пискунов, проходя по вестибюлю. – Этого хлебом не корми, дай позаседать».

Дверь в зал была открыта. Пискунов вошел. На слабо освещенной сцене, прямо под громадным портретом Ленина, сидели люди. Они занимали середину длинного стола, покрытого красным сукном.

– Можно войти? – негромко спросил Пискунов. Его голос гулко разнесся по пустому залу.

– Входи, входи, – откликнулась Симакова. Она сидела в центре стола и перебирала какие-то бумаги.

– Он и здесь без опоздания не может. – Сидящий рядом с ней Хохлов посмотрел на часы. – Пятнадцать минут девятого.

– Привычка, – рассмеялся Клоков. – В кровь вошло уж. Как ни день – так Пискунов. Кто опоздал – Пискунов. Кто напился – Пискунов. Кто мастеру нагру...

– Сергей Васильевич, – перебила его Симакова, – о Пискунове после. Давайте с путевками закончим. А ты, Пискунов, сядь, посиди пока.

Витька, не торопясь, прошел меж кресел и сел с краю, поближе к двери.

– Если дать сто кузнечному и сто десять литейному, как Старухин предлагает, тогда механосборочному останется всего восемьдесят четыре путевки. А гаражу вообще двенадцать... то есть четырнадцать, – зашелестел бумагами Хохлов.

– Ну и правильно, – спокойно проговорила Звягинцева, постукивая карандашом по столу, – механосборочный никогда план не выполняет, всегда завод подводит. Кузнечный с литейным поднажмут, а сборщики все на тормозах спустят: то станки у них ломаются, то текучесть кадров... Поэтому и завод-то не балуют – ни квартир, ни заказов, ни путевок.

– Ну, положим, квартир нет не только поэтому, – нахмурился Клоков. – У строителей не все ладится. Квартиры будут. В Ясенева три дома заложили, в Медведкове два. А сборщиков тоже понять нужно. У нас ведь и ответственность больше, и условия потяжелее. И платят нашим рабочим негусто...

– Да ну вас! – Звягинцева распрямилась, отчего два ордена, прикрепленные к ее серому жакету, слабо звякнули. – Платят негусто! Платят всем одинаково. Работать нужно. План выполнять. Тогда и платить хорошо будут, и заказы появятся, и путевки. Весь завод горит из-за сборщиков. Весь!

– Но ведь надо понять, что работать на конвейере тяжелее, а за сто сорок рублей никто особенно не горит жела...

– Понять! Вон сидит, поймите его! – Звягинцева показала карандашом в полутемный зал, где меж круглых кресел маячила голова Пискунова. – Ваш ведь фрукт, из механосборочного. Поймите его! Он зашибает, прогуливает, а мы его понять должны.

– Татьяна Юрьевна, хватит об этом, – проговорила Симакова. – Давайте путевки распределять. У меня завтра отчет в ВЦСПС, ночь еще сидеть... В общем, или дать всем поровну, или как Старухин предложил.

– Поровну нельзя, – вставил Урган. – Татьяна Юрьевна права. Лучше всех работают литейщики. Им и дать надо больше всех. А сборщики пусть на турбазу едут. Вон под Саратовом я был прошлый год – любо-дорого посмотреть. И питание хорошее, и Волга рядом. Не хуже юга.

– Точно, – Звягинцева повернулась к нему, – пусть туда и едут. А то всем на юга захотелось. Пискунов вон тоже небось заявление писал. Писал, Пискунов?

– Я? – Витька поднял голову.

– Ты, ты. Я тебя спрашиваю.

– Эт что – в Ялту, что ль?

– Да.

– Чего я там не видал. Я лучше у тетки в Обнинске, тихо-мирно...

– Сознательный, – усмехнулась Звягинцева, – тихо-мирно. Все бы так – тихо-мирно!

А то вон, – она толкнула пальцем пачку листов. – Четыреста заявлений!

– Значит, распределим, как Старухин предложил? – спросила Симакова.

– Конечно.

– Давайте так...

– Удобно и правильно.

– А главное – стимул. Хорошо поработал – путевка будет.

– Правильно.

– Голосовать будем?

– Да не надо. И так все ясно.

Симакова записала что-то в своем блокноте.

– Оксана Павловна, – наклонился вперед Хохлов, – у нас в цехе работает одна женщина, мать троих детей, активистка, общественница. Из старой рабочей семьи. Очень хотелось, чтоб ей дали путевку.

– И у меня тоже двое есть. Молодые, но общественники хорошие, – добавил Клоков.

– Всех общественников, ветеранов войны и инвалидов мы обеспечим, как всегда, – ответила Симакова, – но это все потом, товарищи. Главное – распределили по цехам. А там уж сами решайте. Давайте перейдем к вопросу о Пискунове. Встань, Пискунов! Иди сюда.

Витька неторопливо приподнялся, подошел к сцене.

– Поднимайся, поднимайся к нам.

По деревянным ступеням он поднялся на сцену и стал возле трибуны. С минуту сидящие за столом разглядывали его.

– А поновей брюк ты что – найти не смог? – спросил Клоков.

– Не смог. – Витька рассматривал метровый узел на галстуке Ильича.

– Хоть бы почистил их. Вон грязные какие. Не на танцульки ведь пришел, не в винный магазин.

– На танцы бы у него нашлись другие, – встала Звягинцева, – и брюки и рубашка. И галстук нацепил бы, не забыл. И пол-литру с друзьями раздавил бы.

Симакова положила перед собой два листка:

– На завком поступили две докладные записки. Первая – от мастера механосборочного цеха товарища Шмелева, вторая – от профячейки цеха. В обоих товарищи просят завком рассмотреть поведение Пискунова Виктора Ивановича, фрезеровщика механосборочного цеха. Я их зачитаю... Вот, мастер пишет:

«Довожу до сведения заводского комитета профсоюза, что работающий в моей бригаде Виктор Пискунов систематически нарушает производственную дисциплину, что пьяным является на свое рабочее место, и что не выполняет производственные нормы, и что грубит начальству, рабочим и мне... Начиная с июня сего года Пискунов опять запил, он приходит на завод и сильно шатается, а также выражается грубыми нецензурными словами. Я много раз предупреждал его, просил и даже ругал, но он все как с гуся вода – пьет, ругается, грубит, хулиганит. Шестнадцатого июля, работая на фрезерном станке и фрезеруя торцы корпуса, он закрепил деталь наоборот, что вызвало крупную поломку станка. Когда же я накричал на него, он взял другую деталь и кинул в меня, но я увернулся и пошел к начальнику цеха. Пискунов и до этого не следил за своим станком, на реле он нацарапал матерное слово, а рядом нацарапал матерную картинку. А когда я просил его стереть, он говорил, что ему нужен стимул. А десятого июля в раздевалке он избил Федора Барышникова так, что того повели в медпункт. Из-за Пискунова наша бригада никогда не выполняла план, так как он больше двухсот корпусов никогда не фрезеровал, а норма – триста пятьдесят. Я много раз говорил начальству, но оно говорит, что и так у нас текучка, так что надо воспитывать, а не выгонять. И Пискунов, когда я его ругаю, ручку вынет и говорит: „Давай бумагу, сейчас заявление напишу, и не нужен мне ваш завод“. И плохо говорит о своей заводской семье. И ругается. Я проработал на нашем заводе двадцать три года и как член партии требую, чтобы к Пискунову применили эффективные меры, чтобы поговорили с ним эффективно, как следует. Его ведь два раза на завком посылали, а он хоть бы что. Весь наш коллектив присоединяется ко мне и требует эффективного разговора с Пискуновым. Мастер Андрей Шмелев».

В приоткрытую дверь зала вошла уборщица с ведром и щеткой. Поставив ведро на пол, она сняла со щетки тряпку и стала мыть ее в ведре.

Симакова взяла в руки другой листок.

– А это от профячейки... Члены цехового профсоюзного комитета просят заводской комитет рассмотреть на очередном заседании поведение фрезеровщика Виктора Пискунова.

В течение последнего месяца Пискунов регулярно нарушал производственную дисциплину, являясь на работу в нетрезвом виде и не выполняя производственных норм. Шестнадцатого июля Пискунов нанес в пьяном состоянии сильное повреждение своему станку, тем самым на целый день задержал работу всей бригады. Снятие с Пискунова прогрессивки никак не повлияло на него, – он по-прежнему продолжает нарушать дисциплину, грубит цеховому начальству и товарищам.

Симакова отложила листок в сторону:

– Да, Пискунов. Год ты на заводе не проработал, а все тебя уж знают. И не как ударника, а как тунеядца и алкоголика.

– Я что – алкоголик? – Пискунов поднял голову.

– А кто же ты? – спросил Клоков. – Самый натуральный алкоголик.

– Алкоголиков в больнице лечат, а я работаю. Я не алкоголик.

– Конечно! Конечно, он не алкоголик! – притворно серьезно заговорила Звягинцева. – Какой он алкоголик?! Он утром стакан, в обед стакан и вечером полбанки! Какой же он алкоголик?

Сидящие за столом засмеялись.

Уборщица отжала тряпку, намотала ее на щетку и стала протирать проход между креслами.

Симакова вздохнула:

– Ты понимаешь, Пискунов, что работать в пьяном виде не только опасно для тебя, для твоего станка, но и для окружающих? Понимаешь?

– Понимаю.

– Ну так что ж? Понимаешь, а пить продолжаешь?

– Да не пью я... Было один раз, так раздули, – он качнулся, потряхнул головой, – раздули, будто я каждый день, а я на самом деле один раз у шурина, на дне рождения...

– Да что ж ты врешь, бесстыжие твои глаза?! – крикнула Звягинцева. – Как не стыдно врать тебе! Ты каждый день на бровях, каааждый! Вот, – она кивнула на Клокова, – профорг твой сидит, его бы постыдился!

Витька посмотрел на Клокова и только сейчас заметил сидящего возле него Сережу Черногаева, расточника из соседней бригады. Серега смотрел на Витьку пугливо и настороженно.

– Один раз, – подхватил Клоков, – он, может, трезвым один раз за это время был! Я с ним каждое утро в раздевалке встречаюсь, в глаза погляжу – снова пьяный. А глаза, как у кролика, красные.

– Чего это красные? Какие это у меня красные?

– Такие и красные. А морда белая, как молоко. И шатает из стороны в сторону.

– Да когда меня шатало-то? Чего вы врете-то?

– Ты, друг мой, не дерзи мне! – Клоков шлепнул рукой по столу. – Я тебе не собутыльник твой! Не Васька Сенин! Не Петька Круглов! Это с ними ты так разговаривай! И встань-ка как следует! Чего привалился к трибуне! Это тебе не стойка пивная!

– Встань нормально, Пискунов, – строго проговорила Симакова.

Витька нехотя оттолкнулся от трибуны и выпрямился, прищурясь. Уборщица кончила протирать пол и, опершись о щетку, с интересом уставилась на сцену.

Звягинцева брезгливо посмотрела на Пискунова, покачала головой:

– Дааа... Противно смотреть на тебя, Пискунов. Жалкий ты человек.

– Это почему ж я жалкий?

– Любой алкоголик жалок, – вставил Старухин. – А ты не исключение. Ты бы посмотрел на себя в зеркало. Ты же опух весь. Лицо лиловое какое-то, черт знает что... Смотреть неприятно.

Дверь скрипнула, в зал вошел высокий милиционер с виолончельным футляром в руке. Сидящие посмотрели на него. Потоптавшись на месте, милиционер медленно прошел по проходу и сел с краю четвертого ряда. Черный футляр он прислонил к соседнему креслу, снял фуражку с лысоватой головы и повесил на футляр.

– Сейчас он присмирел еще, – пробормотал Клоков, покосившись на милиционера. – А что он в цехе творит, в раздевалке.

– Вы что, видели?

– Тебе сказали, не пререкайся! – качнулась вперед Симакова. – Ты лучше расскажи, как ты Барышникова избил. Или, может, это опять Клоков придумал?

Пискунов тоскливо вздохнул, заложил руки за спину. Милиционер, прищурившись, смотрел на него. Уборщица оставила ведро со щеткой в проходе и села недалеко от милиционера.

– Чего молчишь? Рассказывай.

– Да чего рассказывать... Сам он первый полез. Ругался, грозил... А я усталый был, не в духе.

– И пьяный к тому же, да?

– Ну, может немного... Пива утром выпил.

– И к вечеру не выветрилось? – спросил Клоков. – Хорошее пиво!

Члены завкома засмеялись.

Уборщица покачала головой, поправила сползший на глаза платок. Милиционер, по-прежнему сощурившись, смотрел на сцену. Симакова взяла карандаш, перебирая его, спросила:

– Значит, свое плохое настроение ты выместил на товарище?

– Так он первый полез. Обзывался.

– Не ври, Пискунов, – перебил его Клоков. – Не он к тебе полез, а ты, ты напился в раздевалке с Петькой Кругловым и стал приставать ко всем. А Барышников тебя одернул. А ты его избил. Вот – свидетель сидит, – он качнул головой в сторону Черногаева.

Все посмотрели на свидетеля. Черногаев покраснел. Витька взглянул на красное лицо Сергея и отвернулся.

– Молчишь? То-то. Правда глаза колет. Скажи спасибо Барышникову, что не заявил на тебя. А он имел право. За тот синячище пятнадцать суток дали бы тебе, не меньше.

– А действительно, почему он не пошел в милицию? – спросил Урган.

– Да вот парень хороший оказался. Замял, как будто и не было ничего.

– Повезло тебе, Пискунов.

– Таким, как он, всегда везет.

– Точно, точно. Везет! – Уборщица поднялась со своего места. – Я извиняюсь, конечно, да только вот ведь, – она развела руки в стороны, – сосед у меня точно такой, точно! И как их, паразитов, земля носит!

Она выбралась из кресел, подбежала к сцене и стала загибать узловатые пальцы:

– Не работает нигде! Пьет каждый день! Девочек к себе таскает, хулиганит, дерется – и хоть бы что! И вот ведь не выселит его никто! Я уж в милицию и туда и сюда – нет! Как пил, так и пьет!

Члены завкома сочувственно покачали головами. Уборщица вздохнула и села в первом ряду. Симакова посмотрела на Пискунова:

– Тебя ведь третий раз на завком таскают, Пискунов. Неужели совесть совсем потерял? Ты ведь коллектив подводишь, завод позоришь. О себе не думаешь – о других подумай. Бригада из-за тебя план не выполняет, значит, всем – ни прогрессивки, ни премии. Ты это понимаешь? Или тебе все равно? Чего молчишь?! Все равно, да?!

– А для него, Оксана Павловна, что в лоб, что по лбу, – вздохнула Звягинцева. – Он выпил – хорошо! Подрался – еще лучше! На работу не пришел – совсем прекрасно! А до бригады ему и дела нет.

– Ты знаешь, Пискунов, во сколько поломка твоего станка обошлась государству? Не знаешь? – спросил Клоков.

Витька покачал головой.

Клоков приподнялся, опираясь руками о стол:

– Была б моя воля, я б вычел бы все с тебя! Вот тогда б ты узнал! Узнал. А то сломал станок и хоть бы что – сидит курит в проходе! Ты что, Витя, делаешь? Я покуриваю! А станок чинят. Хоть бы помог наладчикам! Нет, наплевать! И вообще ему наплевать на работу, на цех, на товарищей. Вот Черногаев, рабочий, в одном цехе с ним, вот ты хоть расскажи нам, как о Пискунове товарищи отзываются! Расскажи! А мы послушаем.

Черногаев неуверенно встал, качнулся. Все смотрели на него.

– Ну я... я, в общем... – Он провел рукой по лбу.

– Да ты смелее, Сереж, расскажи все как есть, – подбодрил его Клоков.

– Ну, я, товарищи, работаю в одном цехе с Пискуновым, вижу, значит, его каждый день. Мы с ним в разных бригадах работаем, но вижу я его каждый день. И в раздевалке, и в столовой. Вот. Ну и, в общем, здесь уже говорили. Пьет он. Выпивает регулярно. И утром приходит пьяный, и вечером пьяный. Вот, значит. И станок его я вижу. Грязный он, неубранный. После работы иду – а на его станке – стружка. И щетка на полу валяется. И почти каждый день так. И вообще он ведет себя нехорошо, грубит. Вот Барышникова избил...

– Как это случилось? – спросила Симакова.

– Ну, Пискунов с Петькой Кругловым раньше всех в раздевалку пошли, значит. Еще шести не было, а они подались. А когда остальные стали приходить и я пришел – они уже пьяные сидят, матерятся, курят. А с Федей они еще раньше столкнулись. Федя Пискунова ругал за то, что план всей бригаде сорвал. А тут Пискунов как Федю увидел, так сразу задираться стал, значит. Эй, говорит, ударник-стахановец, иди сюда, я тебе рожу профрезерую.

– Чего ты врешь, Черногай, я такого...

– Замолчи, Пискунов! Продолжай, Черногаев.

– Ну вот. А Федя ему говорит – вежи, говорит, себя прилично. А Пискунов выражаться. А Федя, значит, говорит ему, что будет, вот, собрание, я, говорит, скажу о тебе, и мы, говорит, в завком на тебя напишем. Ну, тут Пискунов на него бросился. Разняли их. У Феде лицо разбито. Ребята в медпункт пошли с ним. А Пискунов еще долго в раздевалке сидел. Выражался. О заводе нехорошо говорил...

– Эт что я нехорошего-то говорил?

– Не перебивай, Пискунов! Тебя не спрашивают.

– А чего он врет-то?

– Я не вру. Он говорил, что все у нас плохо, платят мало. Купить, говорил, нечего, пойти некуда.

– Еще бы! Он ведь, кроме винного магазина, никуда не ходит! А кроме пол-литры, ничего не покупает.

– Эт почему ж я не хожу-то?

– Потому! Потому что алкоголик ты! Аморальный человек! – тряхнула головой Звягинцева.

Черногаев продолжал:

– А еще он говорил, что вот на заводе все плохо, купить нечего, еда плохая. Поэтому, говорит, и работать не хочется.

Все молчаливо уставились на Пискунова.

– Да как же... да как же у тебя язык повернулся сказать такое?! – Уборщица встала со своего места, подошла к сцене. – Да как тебе не совестно-то?! Да как же ты, как ты посмел-то! А?! Ты... ты... – Ее руки прижались к груди. – Да кто ж тебя вырастил?! Кто воспитал, кто обучал бесплатно?! Да мы в войну хлеб с опилками ели, ночами работали, чтоб ты вот в этой рубашке ходил, ел сладко да забот не знал! Как же ты так?! А?!

– Плюешь, Пискунов, в тот же колодец, из которого сам пьешь! – вставил Хохлов.

– И другие пьют, – добавила Симакова. – На всех плюешь. На бригаду, на завод, на Родину. Смотри, Пискунов, – она постучала пальцем по столу, – проплюешься!

– Проплюешься!

– Ишь, плохо ему! Работать надо, вот и будет хорошо! А лентяю и пьянице везде плохо.

– А таким людям везде плохо. Такого в коммунизм впусти – ему и там не по душе придется.

– Да. Гнилой ты человек, Пискунов.

– Ты комсомолец?

– Нет. – Витька тоскливо смотрел на портрет.

– И вступать не думаешь?

– Да поздно. Двадцать пять...

– Таким в комсомоле делать нечего.

– Точно! Таким вообще не место среди рабочего класса.

– Третий раз вызывают его на завком, и все как с гуся вода! Вырастили смену себе, нечего сказать! А все мягкотелость наша. Воспитываем все!

– Действительно, Оксана Павловна. – Звягинцева повернулась к Симаковой. – Что же это такое?! Мы ж не шарашкина контора, а завком! Значит, опять послушает он нас, послушает, выйдет, сплюнет в уголок, а завтра снова в одиннадцать – за бутылкой? Мы же завком! Заводской комитет профсоюза, товарищи! Профсоюзы – это кузница коммунизма! Это ведь Ленин сказал! Так почему же мы так мягки с ними, с ними вот?!

– И правда! Пора наконец перестать лояльничать с ними! – вставил Старухин. – В конце концов у нас производство, советское производство! И мы несем ответственность за эффективность нашего завода перед Родиной! Сняли с него прогрессивку – мало! Сняли тринадцатую зарплату – мало! Увольнять нельзя, значит, надо искать какие-то новые меры! И не гуманничать! А то догуманничаемся!

– Правильно, Оксана Павловна, с такими, как Пискунов, надо бороться. Бороться решительно! Что с ними цацкаться?!

– Ему ведь наши нотации – как мертвому припарки.

– Ну а что мы можем, кроме снятия премий и прогрессивки? Выгнать-то нельзя...

– Тогда вообще зачем заседать?! Это ж издевательство над профсоюзом.

– Форменное издевательство...

– И пример дурной подаем. Сегодня он пьет, а завтра, гляди, и вся бригада.

– Ну а действительно, что мы можем?!

Милиционер вздохнул, встал и одернул китель:

– Товарищи!

Все повернулись к нему. Он подождал мгновение и заговорил:

– Я, конечно, человек посторонний, так сказать. И к этому делу отношения никакого не имею. Но я как советский человек и как работник милиции хочу, так сказать, поделиться просто опытом. Я, товарищи, с такими, как этот парень, почти девятнадцать лет работаю. С двадцатилетнего возраста с ними сталкивался. Эти люди – тунеядцы, алкоголики, хулиганы и более крупные, так сказать, матерые преступники надеются только на одно: чтобы мы с ними мягко, так сказать, обходились. Как только мы с ними мягче и обходительней – так они сразу хуже. Сразу чувствуют! И выводы делают, и становятся опаснее для общества. Я здесь

сидел, слушал, ну, и в общем, мне все понятно. Я вас, товарищи, хорошо понимаю. И по моему, не надо вам бояться новых мер. Вы ведь, в конце концов, не за себя отвечаете, а за предприятие. И думаете о нем. И болеете за него. А завод ваш не зря орденом награжден. Не зря! Надо помнить об этом.

Он сел, сцепил руки.

– Правильно! – проговорил Урган. – Вот товарищ хоть и не работает на нашем заводе, а целиком прав. Поощряя таких, как Пискунов, мы вредим своему заводу! Сами себе же вредим! Значит, что же, выходит, мы с вами сами виноваты?!

– Конечно, виноваты! – подхватила Звягинцева. – Еще как виноваты! Из-за нашей близорукости и завод страдает!

Уборщица снова приподнялась со своего места:

– Да кабы моя воля, я б с этими вот, такими, как он, прямо не знаю, что б сделала! Ведь житья от них нет никакого! Ведь во дворе вот с утра день-деньской до вечера бренчат, пьют, дерутся!

– Но опять же, что мы можем поделать? Мы же обыкновенный завком, полномочия у нас крайне ограниченные.

Милиционер вздохнул:

– Товарищи, вы меня не поняли. Я же сказал, вам не надо бояться новых, более эффективных мер. Вы же не о себе думать должны, правильно?

– Да, правильно, конечно, – отозвалась Симакова, – но факт остается фактом, у нас, товарищ милиционер, действительно нет полномочий...

– Товараарищи! – Милиционер шлепнул руками по коленям. – Мне прямо горько слушать вас! Нет полномочий! Да кто же виноват в этом?! Вы сами и виноваты! Все от вас, от вашей инициативы зависит! Если б были у вас конкретные предложения, были б и полномочия. Законы что, по-вашему, с неба валяются? Нет! Народ их создает! Все от вас зависит, от народа. А то сами перед собой барьер поставили и ждете, чтоб вам полномочия дали. Это просто несерьезно. Вы так ничего не дождетесь. А вот эти, – он ткнул пальцем в Пискунова, – действительно вам проходу не дадут! И тогда и полномочия не помогут. А сейчас, когда еще не поздно, – предлагайте! Пробуйте! Чего вы боитесь? Вы что думаете, с такими, как этот парень, уговорами да беседами бороться? Напрасно. Их не уговаривать нужно. С ними совсем по-другому нужно. А как – это уж ваше дело. И инициатива должна от вас идти. Есть инициатива, есть предложения – значит, будут и полномочия. А если нет инициативы, нет деловых, так сказать, предложений – значит, и полномочий не будет.

Он сел, достал платок и вытер вспотевший лоб.

Минуту все молчали. Потом Клоков вздохнул, вобрал голову в плечи:

– Вообще-то у меня, то есть у нас... ну, в общем, есть одно предложение. Насчет Пискунова. Правда... я не знаю, как оно... ну... как... В общем, поймут ли меня, то есть нас, правильно...

– А вы не бойтесь, – ободрил его милиционер, пряча платок, – если оно деловое, конкретное, так сказать, значит, поймут. И одобрят.

Клоков посмотрел на Звягинцеву. Она ответила понимающим взглядом.

– Ну, в общем, мы предлагаем... – Клоков рассматривал свои руки, – в общем, мы... Все выжидающе смотрели на него. Он облизал губы, поднял голову и выдохнул:

– Ну, в общем, есть предложение расстрелять Пискунова.

В зале повисла тишина. Милиционер усердно почесал висок и усмехнулся:

– Нууу... товарищи... что вы глупости говорите. При чем тут расстрелять...

Собравшиеся неуверенно переглянулись. Милиционер засмеялся громче, встал, поднял футляр и, посмеиваясь, пошел к выходу.

Все провожали его внимательными взглядами. Возле самой двери он остановился, повернулся и, сдвинув фуражку на затылок, быстро заговорил:

– Я тебе, Пискунов, посоветовал бы побольше классической хорошей музыки слушать. Баха, Бетховена, Моцарта, Шостаковича, Прокофьева, опять же. Музыка знаешь как человека облагораживает? А главное, делает его чище и сознательней. Ты вот, кроме выпивки да танцев, ничего не знаешь, поэтому и работать не хочется. А ты сходи в консерваторию хоть разок, орган послушай. Сразу поймешь многое... – Он помолчал немного, потом вздохнул и продолжал: – А вы, товарищи, вместо того чтоб время вот таким образом терять и заседать впустую, лучше б организовали при заводе клуб любителей классической музыки. Тогда б и молодежь при деле была, и прогулов да пьянства убавилось... Я б распространился еще, да на репетицию опаздываю, так что извините...

Он вышел за дверь.

Уборщица вздохнула и, подняв ведро, двинулась за ним. Но не успела она коснуться притворившейся двери, как дверь распахнулась и милиционер ворвался в зал с диким, нечеловеческим ревом. Прижимая футляр к груди, он сбил уборщицу с ног и на полусогнутых ногах побежал к сцене, откинув назад голову. Добежав до первого ряда кресел, он резко остановился, бросил футляр на пол и замер на месте, ревя и откидываясь назад. Рев его стал более хриплым, лицо побагровело, руки болтались вдоль выгибающегося тела.

– Про... про... прорубоно... прорубоно... – ревел он, тряся головой и широко открывая рот.

Звягинцева медленно поднялась со стула, руки ее затряслись, пальцы с ярко окрашенными ногтями согнулись. Она вцепилась себе ногтями в лицо и потянула руки вниз, разрывая лицо до крови.

– Прорубоно... прорубоно... – захрипела она низким грудным голосом.

Старухин резко встал со стула, оперся руками о стол и со всего маха ударился лицом о стол.

– Прорубоно... про... прорубоно... – произнес он, ворочаясь на столе.

Урган покачал головой и забормотал быстро-быстро, едва успевая проговаривать слова:

– Ну, если говорить там о технологии прорубоно, о последовательности сборочных операций, о взаимозаменяемости деталей и почему же как прорубоно, так и брака межреспубликанских сразу больше и заметней, так и прорубоно местного масштаба у нас не обеспечивается фондами и сырьем по-разному по-сварочному, а наличными не выдают и агитируют за самофинансирование...

Клоков дернулся, выпрыгнул из-за стола и повалился на сцену. Перевернувшись на живот, он заерзал, дополз до края сцены и свалился в партер зала. В партере он заворочался и запел что-то тихое. Хохлов громко заплакал. Симакова вывела его из-за стола. Хохлов наклонился, спрятав лицо в ладони. Симакова крепко обхватила его сзади за плечи. Ее вырвало на затылок Хохлова. Отплевавшись и откашлявшись, она закричала сильным пронзительным голосом:

– Прорубоно! Прорубоно! Прорубоно!

Пискунов и Черногаев прыгнули со сцены и, имитируя странные движения друг друга, засеменили к входной двери. Приблизившись к неподвижно лежащей уборщице, они взяли ее за ноги и поволокли по проходу к сцене.

– Прорубоно! Прорубоно! – хрипло ревел милиционер. Он изогнулся назад еще сильнее, красное лицо его уставилось в потолок зала, тело дрожало.

Пискунов с Черногаевым подволокли уборщицу к ступенькам и затащили на сцену. Звягинцева отняла руки от своего окровавленного лица, сильно наклонилась вперед и подошла к лежащей на полу уборщице. Урган тоже подошел к уборщице, бормоча:

– Если говорить о технологии прорубоно, граждане десятичники, они никогда не ставили высоковольтных опор и добавляли битумные окислители, когда процесс шлифования необходим для наших ответственных дел и решений, и странное чередование узлов сальника и механопривода...

Черногаев и Пискунов, Звягинцева и Урган подняли уборщицу с пола и перенесли на стол.

Старухин приподнял свое разбитое посиневшее лицо.

– Прорубоно, – четко произнес он распухшими губами. Симакова отпустила Хохлова и, не переставая пронзительно выкрикивать, подошла к столу.

Хохлов опустился на колени, коснулся лбом пола и стал подгребать руками к лицу разлившиеся по полу рвотные массы. Черногаев, Пискунов, Звягинцева, Урган, Старухин и Симакова окружили лежащую на столе уборщицу и принялись сдирать с нее одежду. Уборщица очнулась и тихо забормотала:

– Та и прорубоно... так-то и прорубоно...

– Прорубоно! Прорубоно! – кричала Симакова.

– Прорубоно... – хрипела Звягинцева.

– Но прорубоно по технически проверенным и экономически обоснованным правилам намазывания валов... – бормотал Урган.

– Прорубоно! – ревел милиционер.

Вскоре вся одежда была содрана с тела уборщицы.

– Ота... ота-та... – бормотала она, лежа на столе.

– Пробо! Пробо! Пробо! – закричала Симакова.

Уборщицу перевернули спиной кверху и прижали к столу.

– Пробо... ота-то... – захрипела уборщица.

– Пробойно! Пробойно! – заревел милиционер.

Пискунов и Черногаев, приседая и делая кистями рук быстрые вращательные движения, прыгнули со сцены, подняли лежащий у ног милиционера футляр, поднесли и положили его на край сцены.

– Пробойное! Пробойное! – ревел милиционер. Пискунов и Черногаев открыли футляр. Внутри он был разделен пополам деревянной перегородкой. В одной половине лежала кувалда и несколько коротких металлических труб, другая половина была доверху заполнена червями, шевелящимися в коричневатозеленой слизи. Из-под массы червей выглядывали останки полусгнившей плоти.

Черногаев взял кувалду, Пискунов забрал трубы. Труб было пять.

– Прободело! Прободело! – заревел милиционер и затрясся сильнее.

– Патрубки, патрубки пробойные общечеловеческие ГОСТ 652/58 по неучтенному, – забормотал Урган, вместе со всеми прижимая тело уборщицы к столу. – Длина четыреста двадцать миллиметров, диаметр сорок два миллиметра, толщина стенок три миллиметра, фаска 3i5.

Пискунов поднес трубы к столу и свалил их на пол.

– Прободело... так-то и проб... – бормотала уборщица.

Пискунов взял одну трубу и приставил ее заостренным концом к спине уборщицы.

– Убойно! Убойно! – заревел милиционер.

– Убойно! Убойно! – подхватила Симакова.

– Убойно... убойно... – повторял Старухин.

– Убойно... – хрипела Звягинцева.

Пискунов держал трубу, схватив ее двумя руками. Черногаев стал бить кувалдой по торцу трубы. Труба прошла сквозь тело уборщицы и ударила в стол. Пискунов взял вторую трубу и приставил к спине уборщицы. Черногаев ударил по торцу трубы кувалдой. Труба

прошла сквозь тело уборщицы и ударила в стол. Пискунов взял третью трубу и приставил к спине уборщицы. Черногаев ударил кувалдой по торцу трубы. Труба прошла сквозь тело уборщицы и ударила в стол. Пискунов взял четвертую трубу и приставил ее к спине уборщицы. Черногаев ударил кувалдой по торцу трубы. Труба прошла сквозь тело уборщицы и ударила в стол. Пискунов взял пятую трубу и приставил ее к спине уборщицы. Черногаев ударил кувалдой по торцу трубы. Труба прошла сквозь тело уборщицы и ударила в стол.

– Вытягоно... вытягоно... – забормотал Хохлов в кучку сгребенных им рвотных масс.

– Вытягоно! Вытягоно! – закричала Симакова и схватилась обеими руками за торчащую из спины уборщицы трубу. Старухин стал помогать Симаковой, и вдвоем они вытянули трубу.

– Вытягоно! Вытягоно! – ревел милиционер. Старухин и Симакова вытянули вторую трубу и бросили на пол. Урган и Звягинцева вытянули третью трубу и бросили на пол. Пискунов и Черногаев вытянули четвертую трубу и бросили на пол. Урган и Звягинцева вытянули пятую трубу и бросили на пол. Из-под тела уборщицы обильно потекла кровь.

– Сливо! Сливо! – закричала Симакова.

Быстро стекая по красному сукну, кровь разливалась на полу тремя большими лужами. Хохлов пополз на коленях к раскрытому футляру.

– Нашпиго! Набиво! – заревел милиционер.

– Напихо червие! Напихо червие! – закричала Симакова, и все, кроме милиционера и лежащего в партере Клокова, двинулись к футляру.

– Напихо червие, – повторял Старухин, – напихо...

– Напихо в соответствии с технологическими картами произведенное на государственной основе и сделано малое после экономического расчета по третьему кварталу, – бормотал Урган.

Каждый из подошедших зачерпнул пригоршню червей из футляра и понес к столу. Подойдя к трупку уборщицы, они стали закладывать червей в отверстия в ее спине. Как только они закончили, милиционер перестал выгибаться и реветь, достал из кармана платок и стал тщательно вытирать мокрое от пота лицо.

Клоков поднялся с пола и принялся отряхивать свой костюм. Пискунов и Черногаев собрали разбросанные по полу трубы и кувалду, сложили в свободное отделение футляра, закрыли его и стали застегивать.

– Ну чаво ш вы.

Черногаев и Пискунов застегнули футляр, подняли и спустились в зал. Все, кроме Хохлова, спустились вслед за ними. Хохлов скрылся за кулисами.

– Ну, чаво, чаво топчитесь? – окликнул Клоков Черногаева и Пискунова. – Швыряйте, швыряйте!

– Попрошу вас не кричать, – произнес Черногаев, глядя в глаза Клокову. – Извольте вести себя подобающе.

Клоков раздраженно махнул рукой и отвернулся. Черногаев и Пискунов раскатали футляр и бросили его в середину зала, где он с шумом исчез между креслами.

Из-за кулис, согнувшись, вышел Хохлов. На спине его лежал большой куб, изготовленный из полупрозрачного желеобразного материала. От каждого шага Хохлова куб колебался. Хохлов пересек сцену, осторожно спустился по ступенькам в зал и направился к выходу.

– Стоять! – произнес милиционер.

Хохлов остановился. Милиционер подошел к нему и сказал что-то шепотом.

Звягинцева раскрыла свою коричневую сумочку и достала из нее пистолет. Милиционер что-то шепнул Хохлову. Тот кивнул головой, отчего куб мелко затрясся.

Звягинцева вложила дуло пистолета себе в рот и нажала спуск. Глухой выстрел вырвал затылочную часть ее головы, забрызгав кровью и мозговым веществом Старухина и Ургана. Звягинцева упала навзничь.

Милиционер опять что-то шепнул Хохлову. Хохлов вздохнул и произнес:

– Хочу сделать заявление господам потерпевшим. Дело в том... дело в том, что я... – Он замялся, куб на его спине задрожал.

– Пошел, пошел! – прикрикнул на него милиционер.

Хохлов подошел к двери, толкнул ее головой и вышел. Милиционер вышел следом. Клоков подбежал к двери и скрылся за ней.

– Беги, беги, козел, – презрительно произнес Черногаев.

– Ну что, пошли? – Симакова достала сигареты и закурила.

– Пошли, – кивнул Черногаев, и все двинулись к выходу.

Прощание

Легкий прозрачный туман на востоке внезапно порозовел, прорезался желтой искрой, и через несколько быстро пролетевших минут край солнечного шара показался над кромкой леса.

Константин встал со своего широкого тухлявого пня, низ которого так загадочно светился ночью, и, запахнув пальто, пошел к обрыву.

Птицы, до этого коротко перекликавшиеся, запели громко, словно приветствуя солнечный восход.

Константин подошел к поросшему осокой и кукушкиным льном обрыву, встал на самом краю. Широкая лента реки, обрамленная темно-зеленой массой камыша, лежала внизу. Гладь ее была спокойна – ни ряби, ни признаков движения. Только в зеленоватой глубине еле заметно колебались водоросли, походившие на загадочных существ.

Константин достал портсигар, открыл.

Папироса по-утреннему сухо треснула в его холодных пальцах.

Он закурил. Дым папиросы показался мягким и некрепким.

Глядя на выбирающееся из леса солнце, Константин улыбнулся, устало потер щеку.

«Все-таки как это невероятно тяжело – уехать из родного места, – с грустью подумал он, – из места, где ты вырос, где каждая тропинка, каждое дерево тебе знакомы... А я-то вчера бахвалился перед Зинаидой и Сергеем Ильичем. Уеду, мол, махну рукой. Дальняя дорога, новые города, новые люди. Чудак...»

Он страхнул пепел, и крохотный серый цилиндрок полетел вниз, пропал в камышах.

Середина реки всколыхнулась.

Плеснула крупная рыба – раз, другой, третий.

Три расширяющихся круга пересеклись и побежали к берегам.

«Щука, наверно. Ишь, как кувыркнулась, даже хвост сверкнул. Наверно, килограмма четыре будет. Они тут меньше не попадаются...»

Он жадно затянулся, вспомнив, как в десятилетнем возрасте вытащил свою первую щуку. Это было таким же летним безоблачным утром. На реке никого не было, за долгое время ожидания не клюнула ни одна рыба. Он хотел было уже по совету старого рыбака деда Михея насадить на крючок кусочек тесьмы, на которой висел его медный нательный крестик, но вдруг поплавок исчез, леска со звоном чиркнула по воде, удилище выгнулось дугой. И началась борьба белобрысого вихрастого паренька с невидимой рыбой. И он вытащил ее – мокрый, дрожащий от волнения, – вытащил и бросил на песок, тогда еще не поросший камышом...

Он снова затянулся и медленно выпустил дым через ноздри.

«Да. Как все знакомо. Господи, ведь тридцать семь лет я прожил здесь. Мальчишкой я купался в ней и ловил рыбу, свесив босые ноги с того неприметного мостка. Юношей я любил сидеть здесь, читая книги о дальних странах, бесстрашных путешественниках, о любви. А потом полюбил и сам. Полюбил сильно, безумно, бесповоротно. И здесь, в этой березовой роще, впервые целовал свою любимую. Целовал в мягкие, взволнованные девичьи губы...»

Выбравшееся из леса солнце рассеяло остатки тумана и ярко сияло, слепя глаза. Ласточки кружились над рекой, стремительно касаясь воды и вновь взмывая.

С Таней они встречались вон там, возле трех сросшихся берез. Встречались по вечерам, когда солнце заходило, оставляя над лесом алую полосу, а из деревни слышалась гармошка. Таня. Милая Таня с русой туго заплетенной косой...

Как любил он ее – стройную, в легком ситцевом платьице, с загорелыми тонкими руками, от которых пахло сеном и луговыми цветами.

Он целовал ее, прижимая к гладким молодым березам, стволы которых и вечером были теплыми.

Сначала она слабо отстранялась, а потом обнимала его и целовала – неумело, нежно и смешно.

– Ты похож на сокола, – часто говорила она, улыбаясь и глядя его по щеке.

– На сокола? – усмехался Константин. – Значит, я пернатый!

– Не смейся, – перебивала его она, – не смейся... И добавляла быстрым горячим шепотом:

– Я... я ведь люблю тебя, Костя. Все это было. Было здесь...

Константин бросил вниз недокуренную папиросу, взялся руками за отвороты пальто и вздохнул полной грудью.

Прохладный утренний воздух пах рекой, дымком и пьянил необычайно.

«Так что же такое – родина? – подумал Константин, глядя на пробуждающийся, залитый солнцем лес, голубое небо и реку. – Что мы подразумеваем под этим коротким словом? Страну? Народ? Государство? А может быть – босоное детство с ореховой удочкой и банкой с карасями? Или вот эти березы? Или ту самую девушку с русой косой?»

Он снова вздохнул. Пронизанный светом воздух быстро теплел, ласточки кричали над прозрачной водой.

Стояло яркое летнее утро.

Да, да. Яркое летнее утро.

Стояло, стоит и будет стоять.

И никуда не денется.

Ну и хуй с ним.

Длинный.

Толстый.

Жилисто-дрожащий.

С бледным кольцом смегмы под бордовым венчиком головки.

С фиолетовыми извивами толстой вены.

С багровым шанкром.

С пряным запахом.

Первый субботник

– Ну вот, – Саламатин подошел к рассеявшейся на плитах бригаде, – нам, ребят, листья сгребать.

Рабочие зашевелились, поднимаясь:

– Во, это по мне...

– Нормально, Егорыч.

– Небось Зинку ублажил, вот и работу полегче дала...

– А где сгребать будем?

Саламатин достал из широких брюк пачку «Беломора»:

– От проходной и выше.

– Так там много. С полкилометра.

– А ты как думал... Давайте, мужики, в девятый за граблями. Там и грабли и рукавицы.

Или кто-нибудь пусть сходит, что всем переться.

– Мы с Серегой сходим. – Ткаченко хлопнул Зигунова по ватному плечу. – Сходим, Серег?

– Сходим, конечно... дай закурить, Егорыч. – Зигунов потянулся к пачке.

Саламатин вытряхнул ему папиросу, сунул в губы свою, смял:

– Значит, сходите. Не обсчитайтесь только. Четырнадцать грабель. И рукавиц четырнадцать пар. А вот и новичок бежит... Пятнадцать грабель и пятнадцать пар.

Мишка перелез через штабель труб, побежал по плитам.

– Ты чего опаздываешь? – улыбнулся Саламатин, закуривая. – Идите, ребята, идите...

Мишка подбежал к нему, громко выдохнул:

– Фууу... запыхался... доброе утро... Вадим Егорыч...

– Доброе утро. Что, будильник подвел?

– Да нет, поезд пропустил свой... фууу... сильно опоздал?

– Нет. Ничего.

– Доброе утро! – Мишка повернулся к рабочим.

– Здорово.

– Доброе утро...

– Чего опаздываешь?

– Перезанимался вчера небось, заочник?

– Егорыч, ну мы пошли, чего тут толкаться...

– Идите. Я догоню щас... – махнул рукой Саламатин. – Застегни куртку, не лето все-таки.

Часто дышащий Мишка стал застегивать молнию.

Саламатин отодвинул рукав ватника, посмотрел на часы:

– Четверть девятого. Все не начнем никак.

– А что делать будем?

– Листья сгребать. С газонов у проходной.

– На свежем воздухе... хорошо...

– Конечно... так... Прохорова нет... ну ладно. Ждать больше не будем... пошли, Миш.

Они зашагали к проходной, вслед за бригадой.

Саламатин зевнул, выпустил дым:

– А ты что так оделся чисто? Прямо как на парад.

Мишка пожал плечами:

– Ну а что. Ничего особенного.

– Но куртку-то зачем пачкать? Хорошая куртка.

– Обыкновенная.

Бригадир засмеялся, обнажив крупные прокуренные зубы:

– Да... вот что значит – новое поколение. Я б такую куртку на выходной берег...

Подошли к проходной.

Одетый в черную форму вахтер запер ворота.

– Семеныч, выпусти нас! – весело крикнул Саламатин.

– Идите через вертушку. Я уж запереть за вами устал. Щас только твои проползли.

– Егорыч! – раздалось сзади. – Помоги!

Мишка и бригадир обернулись.

Ткаченко с Зигуновым несли грабли и рукавицы.

– А вы что, пупы надорвали? – шагнул к ним бригадир.

Мишка подошел к Зигунову, тот сунул ему стопку рукавиц.

Саламатин протянул руку к граблям, распутившимся веером на плече Ткаченко, но тот уклонился:

– Да шучу, Егорыч. Чего тут нести.

– Все хорошие? Ломаных нет?

– Нет, нет...

– Ну, иди вперед.

Бригадир пропустил Ткаченко.

По очереди прошли через поскрипывающую вертушку.

На улице ждала бригада.

– Во, Сашок самые новенькие выбрал...

– Семейный, сразу сообразил.

Ткаченко снял грабли с плеч:

– Разбирайте...

Мишка стал раздавать рукавицы.

Творогов постучал граблями по асфальту:

– Нормально... Такими и целину пахать можно...

– Откуда начинать, Егорыч?

Саламатин огляделся, махнул рукой на левый газон:

– Вот наш.

– А правый?

– А тут насосники будут убирать.

– Ясно...

Усеянный опавшей листвой газон тянулся вдоль каменной заводской ограды вместе с неровным рядом невысоких тополей. Их длинные, потерявшие почти всю листву ветки слегка шевелились. Разобравши грабли и надев рукавицы, рабочие двинулись к газону. Саламатин разорвал нитку, скрепляющую новенькую пару рукавиц. Мишка постучал древком грабель по асфальту, насаживая их потуже:

– Гвоздика нет.

– Что? Какого? – повернулся к нему бригадир.

– Да тут вот... крепить где грабли...

– Ну и ничего страшного... дай-ка. – Бригадир взял у него грабли, потрогал. – Насажены нормально. И без гвоздя сидят крепко. Грабь только полегче, и не отвоятся... пошли...

Они двинулись за бригадой.

Мишка улыбнулся, положил грабли на плечо:

– Да... первый субботник...

– Как – первый?

– Да так. Первый субботник мой.

– Seriously? – удивленно посмотрел на него Саламатин.
– Ага. Ну, не первый, конечно... в школе были субботники...
– Ну, так это другое дело. В школе ты учеником был, а тут – пролетарий. Значит, действительно – первый! Здорово!

Саламатин засмеялся, крикнул шагающим впереди рабочим:

– Слышь, ребят! У Мишки сегодня первый субботник! Каково?

– Поздравляем.

– Бутылка с тебя, Миш!

– Нормально...

– Ты тогда сегодня должен по-ударному работать, за всех.

– Чудеса... первый субботник у человека. Я и забыл, когда у меня был...

Саламатин положил руку Мишке на плечо:

– Да... вообще-то это событие. Надо было б как-нибудь через профком поздравить тебя...

– Да что вы, Вадим Егорыч...

– Надо было. Что ж ты раньше не сказал? Так, мол, и так... первый субботник... Эй, ребят! – крикнул он рабочим. – Начинайте отсюда! Прямо в кучи сгребайте к кромке, и порядок...

Рабочие разошлись по газону, стали сгребать листья.

Саламатин сощурился на заходящее солнце, поправил выбившийся из-под ватника шарф:

– А я вот помню свой первый субботник...

– Правда?

– Помню. Только война началась. Как раз сорок первый год. Июль. А я в апреле на завод устроился. Тоже такой же был, как ты. Только помоложе. И заочно, конечно, не учился. Не до учебы было. И вот субботник решили провести. В фонд помощи фронту. Вышли всем заводом после смены. А смена-то была – двенадцать часов! Не то что сейчас. И работали по-другому совсем. С сознанием. Все понимали. Самоотверженно работали, вот... и как работали... разве сравнишь с теперешними работниками...

Он вздохнул и побрел к бригаде.

Мишка зашел следом.

Бригадир встал рядом с Зигуновым, нагнулся и поднял ржавую консервную банку:

– Вот. Это вот свинство наше. Выпили, закусили и бросили. Так вот и живем... а потом удивляемся, мол, пойти отдохнуть некуда, вся природа загажена...

Он кинул банку на кучу листьев.

Мишка принялся грести от кромки газона.

Бригада работала молча.

Зигунов вдруг распрямился, улыбнулся, тряхнул головой:

– Ой... что-то... шас вот...

Он оттопырил обтянутый синими брюками зад и громко выпустил газы.

Сотсков выпрямился, удивленно посмотрел на него и сделал то же самое, но только слабее и короче.

Ткаченко наставил на Сотскова тонкий палец:

– Артиллерия... пли...

И лаконично пукнул.

Салазкин и Мамонтов оперлись на грабли и выпустили газы почти одновременно.

Творогов наклонился сильнее, лицо его напряглось:

– Оп-ля... оп-ля... оп-ля...

Он слабо пукнул три раза.

Сохненко поднял обутую в резиновый сапог ногу:
– Ну-ка... по изменникам Родины...
Но пукнул слабо.
Саламатин удивленно качнул головой:
– Еп твою... ни хуя себе... это что ж такое? Что, все сразу? В честь чего это?
Зигунов пожал плечами:
– Как – в честь чего? В честь первого субботника нашего товарища был произведен артиллерийский салют из орудий среднего калибра. Теперь за тобой очередь, Егорыч...
Улыбаясь, рабочие смотрели на него:
– Давай, ветеран, по-ударному...
– И ты, Миш, не отставай.
– Давай, чего стоишь. Не отрывайся от коллектива.
– Честь бригадирскую не роняй, орденосец...
– Давай, давай, Егорыч... все ведь на тебя равняются...
Саламатин почесал висок, засмеялся:
– Ну, раз такое дело...
Он слегка нагнулся, закричал. Мишка тоже напрягся, посмотрел под ноги и пукнул первым, но – слабо, еле слышно.
– Ну, Михаил, слабовато...
– Ничего, у него юбилей сегодня... простительно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.